

Лунный свет лился потоком, безжалостно раздробленный тенями деревьев. В мрачном, глубоком переулке воздух был пропитан тяжелым запахом гнили и тлена, преследовавшим словно тень.

Раздались торопливые, испуганные шаги. В слабом свете фонаря мелькнула молодая женщина в красном одеянии и черных брюках, прижимавшая к груди младенца, который родился совсем недавно.

— Черт возьми, стой, кому говорят!

Женщина в красном вздрогнула от ужаса и, не разбирая дороги, бросилась наутек.

Младенец в пеленках уже спал, мерно покачиваясь в такт бегу женщины.

Перед величественными коническими воротами, где свет был яростен, словно днем, колыхались тени деревьев.

Женщина со слезами на глазах нежно погладила пухлые щечки ребенка и прошептала, задыхаясь от рыданий:

— Прости меня, мама...

Она подарила ему жизнь, но не могла вырастить своими руками.

В тусклом свете уличного фонаря одинокая женщина, собрав волю в кулак, зашагала прочь, удаляясь всё дальше.

За высокими воротами младенец во сне словно что-то почувствовал и залился горьким плачем. Его пронзительный крик, подобный предсмертному воплю кукушки, резал сердце.

Ах!

Цзи Фаньинь проснулась в холодном поту, с расширенными от ужаса зрачками.

Прошлое пронеслось перед глазами, словно кадры киноленты.

Она сделала глоток чая — холодный, ледяной напиток обжег горло.

Цзи Фаньинь невольно усмехнулась про себя: прожив два года в окружении любящих родителей, она едва не забыла, что когда-то была брошенной сиротой.

Жалко и печально.

Рассеянно распахнув окно из сандалового дерева, она позволила лунному свету окутать себя, словно серебристой вуалью.

На следующее утро, укладывая волосы, Хун Сяо вдруг охнула:

— Барышня, вы... что с вами?

Цзи Фаньинь посмотрела в зеркало: лицо бледное, как бумага, а под глазами залегли темные круги, словно от сильного удара.

— Ничего страшного, просто плохо спала, — бросила она небрежным тоном.

Хун Сяо, зная характер госпожи, благоразумно промолчала.

Вдруг Цзи Фаньинь почувствовала тяжесть на голове. Взглянув в зеркало, она увидела прическу «Пион», украшенную множеством сложных деталей.

Ее взгляд скользнул в сторону, и она небрежно вытащила из волос заколку-буяо:

— Как думаешь, этот жемчуг достаточно прозрачен?

До того как попасть в Государство Инчжоу, она была дизайнером ювелирных украшений и обладала врожденным чутьем на все, что излучает свет.

Хун Сяо, ответив что-то невпопад, потянулась было убрать выбившуюся прядь, но Цзи Фаньинь мягко перехватила ее руку и спросила тем же спокойным голосом:

— Почему ты выбрала сегодня заколку с нефритом и чернильными узорами?

Она всегда предпочитала простоту, и Хун Сяо, прислуживавшая ей долгие годы, не могла этого не знать.

Хун Сяо закусила губу и, опустив глаза, пробормотала:

— Сегодня же праздник Дуанью...

Цзи Фаньинь улыбнулась:

— Я знаю.

Отец еще месяц назад предупредил, что ей придется сопровождать их на выход.

— Канцлер велел мне как следует нарядить вас, барышня...

Цзи Фаньинь не разделяла этого рвения:

— Раз уж мы выходим в люди, к чему такая пышность? Лишнее бремя, не более.

Хун Сяо засуетилась, словно муравей на раскаленной сковороде:

— Но там будут Его Величество, принцы и принцессы...

Цзи Фаньинь попыталась извлечь из ее слов полезную информацию.

Подумав немного, она выудила из глубин памяти имя:

— Ты хочешь сказать, что Третий ван тоже будет там?

Два года назад, очнувшись в этом слабом, изможденном теле, она по крупикам собирала сведения из обрывочных разговоров окружающих.

Государство Инчжоу расположилось на побережье Линнаня, земля была обширной и богатой, а народ жил в достатке — и все благодаря нынешнему правителю, Лян Дицзюню.

У Лян Дицзюня было трое сыновей и одна дочь.

Первый принц — утонченный и вежливый, второй — ветреный красавец, третий — холодный, словно вечные льды на вершинах гор, а младшая принцесса — живая и очаровательная девушка на выданье.

Хун Сяо закивала так часто, что, казалось, ее голова вот-вот отвалится.

Взгляд Цзи Фаньинь оставался ясным, ни одна эмоция не дрогнула на ее лице.

Лян Сесяо, Третий ван, — ее жених по формальному сговору. Два года назад свадьба должна была состояться, но из-за того, что она едва не утонула, все сошло на нет.

Впрочем, если она смогла оттягивать этот момент до сих пор, то чего ей бояться встречи с ним теперь?

Цзи Фаньинь взяла карандаш для бровей и, глядя в зеркало, произнесла:

— Прическа «Линсюй» подойдет лучше.

— Но...

Хун Сяо была в отчаянии, ее глаза наполнились слезами.

— Помни, все, что произошло в храме Бодхи, не должно выйти за пределы этих стен! — холодное предупреждение Лян Сесяо до сих пор звучало в ушах.

— Ладно, ладно, — Цзи Фаньинь не могла злиться на эту преданную служанку и улыбнулась, — пусть будет по-твоему. Но все же смени украшение, слишком уж оно броское, ни к чему нам лишнее внимание.

Хун Сяо, наконец, просияла.

Барышня, в этот раз я сделаю так, чтобы вы затмили всех и Третий ван потерял голову!

Праздник Дуанью, гонки на лодках-драконах — давняя традиция Инчжоу.

Окрестности реки Лохэ были заполнены толпами людей, карета не могла проехать, и Цзи Цзиньань, остановив возницу, повел дочь по узким переулкам.

Вскоре показалось место назначения.

Павильон для наблюдения за гонками, откуда открывался лучший вид, был занят знатью.

Лян Дицзюнь, пришедший с семьей инкогнито, как обычный горожанин, велел официанту проводить их в отдельный кабинет на третьем этаже.

Как только дверь приоткрылась, к ним навстречу выпорхнула девушка, похожая на легкую бабочку. Это была принцесса — ясные глаза, белоснежные зубы. Она потянула Цзи Фаньинь за руку:

— Сестрица Фаньинь, вы наконец-то пришли! Два года не виделись, как ваше здоровье?

Цзи Фаньинь слегка улыбнулась, ее голос звучал нежно:

— Благодарю принцессу за беспокойство, я в полном порядке.

Перед выходом отец подробно рассказал ей, кто есть кто.

В центре сидел мужчина в темно-синем халате, с золотой короной на голове, густые брови как мечи, уголки рта слегка приподняты в повелительной усмешке. Рядом с ним сидела женщина в роскошном головном уборе, с ярким макияжем, излучающая достоинство. А напротив них сидел мужчина, который, держа в руках веер, с любопытством наблюдал за ней, поблескивая глазами с персиковым оттенком.

Цзи Фаньинь, отстав от отца на несколько шагов, решила избежать лишних формальностей и слегка поклонилась:

— Цзи Фаньинь приветствует Его Величество, Королеву, Второго вана и Четвертую принцессу.

— Оставьте эти формальности, — Лян Сеюнь подхватила ее под локоть, — мы сегодня просто гуляем, не нужно церемоний.

Лян Дицзюнь рассмеялся:

— Сеюнь права, Фаньинь, веди себя как на обычной встрече, не стесняйся.

Что касается королевы Ци Сихэ, она все это время хранила молчание, а ее губы, накрашенные ярко-красной помадой, придавали лицу холодное, отстраненное выражение.

— Давно не виделись, Фаньинь стала еще краше, — Лян Сехань поиграл веером, в его голосе слышались и шутка, и сожаление. — Жаль, что старший брат и третий не смогли приехать. Говорят, нынешние гонки на лодках — зрелище, какого не увидишь столетиями.

Цзи Фаньинь была слишком проницательна, чтобы не понять намека.

Лян Дицзюнь взмахнул рукавом:

— Их задержали государственные дела, но к вечернему пиру они точно успеют. Хватит стоять, садитесь.

Цзи Цзиньань ответил спокойно:

— Раз у принцев дела, интересы государства важнее.

— А почему тетушка не пришла с вами? — спросила принцесса.

Цзи Фаньинь ответила вежливо:

— Матушке нездоровится, ей вреден ветер.

В душе же она размышляла: приедут те принцы или нет — ей до этого нет никакого дела.

Снаружи ударили барабаны, гонка началась.

В резиденции князя Сяо, стоявшей под палящим солнцем, крыши накалились, добавляя помещению атмосферы строгости и властности.

В тихом кабинете Лян Сечэнь отпил чаю и, перевернув страницу книги, небрежно заметил:

— Третий брат, который всегда так легко справляется с государственными делами, вдруг нахмурился — редкое зрелище.

Лян Сесяо отложил в сторону подписанный документ. Его мысли были далеко.

— Если хочешь идти — иди, к чему эти сомнения?

На его слова Лян Сесяо ответил невпопад, его низкий голос был полон тяжелых дум:

— Старший брат, ваш союз с супругой — с чего он начался?

При упоминании любимой жены в глазах Лян Сечэня промелькнула нежность. Подумав, он ответил:

— Ли Цзючан лично пришел в резиденцию, я думал, у него действительно важное дело. — Помолчав, он добавил более уверенно: — В конечном счете, третий брат, ты все еще очень переживаешь из-за того случая...

Лян Сесяо помрачнел и погрузился в свои мысли.

Солнце село, сгустились сумерки.

Гао Чанцин, глава управления дворцовых дел, уже давно ждал у ворот резиденции канцлера.

Месяц назад Лян Дицзюнь, чтобы не создавать лишних хлопот в доме канцлера, приказал своим людям помочь с подготовкой.

— Мы приветствуем Его Величество, да здравствует император десять тысяч лет!

Под гулкие звуки приветствий Цзи Фаньинь помогла подняться слабой матери и, следуя за царственными особами, медленно вошла в дом.

В резиденции канцлера было светло как днем. Дворцовые служанки, суровые стражники, хлопочущие евнухи... От этой суеты у Цзи Фаньинь закружилась голова.

— Говорят, Фаньинь поставила новый танец, Сеюнь все уши мне прожужжала, хочет посмотреть, — сказал император.

Принцесса, услышав свое имя, потянула Цзи Фаньинь за руку:

— Сестрица Фаньинь, покажите!

Цзи Фаньинь замялась: она не хотела отказывать, но в танце не хватало одной детали.

Той самой детали, которая была душой этого танца.

Но императорский приказ нельзя нарушить. Заметив, что отец готов вступить за дочь, она опередила его:

— Прошу прощения, подождите немного, я сейчас вернусь.

Раз уж нужно танцевать, как обойтись без костюма?

В павильоне Било Цзи Фаньинь была в белом, ее силуэт казался изящным и гибким.

Хун Сяо, глядя на безупречные черты лица госпожи, не переставала восхищаться.

Цзи Фаньинь, отправив Хун Сяо прочь и размышляя, чем заменить недостающую деталь, бродила по коридору.

Вдруг до ее слуха донеслись приглушенные голоса.

— Все готово?

— Почти.

— Мне нужно, чтобы все прошло идеально!

— А-Сы уже внедрил в стражу, младшая сестра будет танцевать в первом ряду и воспользуется моментом для покушения.

— Ха-ха-ха... Отлично.

— В этот раз я заставлю Лян Дицзюня заплатить кровью.

Цзи Фаньинь похолодела. Тень легла на ее сердце.

Танцевать в первом ряду? Разве это не она?

Та самая младшая сестра, о которой они говорили, — не та ли девушка с острым взглядом?

Покушение, кровь за кровь...

Цзи Фаньинь сжала пальцы, прикусив губу.

Нет, она не позволит, чтобы этот чистый дом был осквернен.

Родители оберегали ее два года, теперь пришла ее очередь защитить их.

Хруст.

Под ногой сломалась ветка.

Двое мужчин в черном в конце коридора вздрогнули:

— Кто здесь?

Цзи Фаньинь хлопнула себя по лбу, коря за неосторожность. Она подобрала подол платья и бросилась бежать.

Сердце готово было выскочить из груди, в ушах стучала кровь.

Она знала каждый уголок своего дома и смогла оторваться от преследователей.

Затаившись под карнизом, она увидела, как двое мужчин проходят мимо, и облегченно выдохнула.

Но вдруг краем глаза она заметила другую темную фигуру, приближающуюся к ней.

Горло перехватило, дыхание стало частым и прерывистым. Мозг лихорадочно работал, и когда она хотела закричать, чьи-то сильные ладони плотно закрыли ей рот.

— Не шуми, это я.

При звуке этого голоса по телу пробежал электрический разряд. Цзи Фаньинь медленно обернулась.

Знакомые черты наконец предстали перед глазами, и ноги, которые она с трудом держала, подкосились.

— Осторожно.

Лян Сесяо подхватил легкую, как перышко, девушку. Его брови нахмурились — она была слишком худой.

Придя в себя, Цзи Фаньинь крепко ухватилась за его рукав и, полная тревоги, выложила ему все, что слышала.

— Времени нет, идем сейчас же.

Едва она договорила, как вскрикнула от острой боли в лодыжке.

Высокий мужчина, не обращая внимания на приличия, наклонился и, проигнорировав ее протесты, снял обувь и осмотрел ногу.

— Вывих, — заключил он.

Цзи Фаньинь вспомнила, что подвернула ногу, когда пряталась.

Вдруг мир перевернулся, и она оказалась в крепких объятиях.

Девушка в белом платье залилась краской.

Лян Сесяо донес ее до павильона Бияо и усадил на стул. В комнате пахло благовониями.

Зажегся свет.

Цзи Фаньинь еще не успела прийти в себя, как услышала вопрос:

— В комнате есть мазь от ушибов?

— Снежная мазь в...

Не успела она договорить, как он привычно достал из шкафа круглую баночку с изображением цветущего абрикоса.

Ее охватило недоумение, но оно тут же было вытеснено происходящим.

Грубые подушечки пальцев подняли ее лодыжку и положили на полусогнутое колено мужчины. Мазь, втираемая сильными руками, дарила то холод, то жар. Уши девушки покраснели, сердце забилось в ритме прилива.

— Стало легче?

Голос мужчины был хриплым, словно наждачная бумага.

Цзи Фаньинь ответила едва слышно, ее тело, не привыкшее к прикосновениям, невольно сжалось.

— Не двигайся.

Длинные черные ресницы дрожали, он был сосредоточен на лечении.

Эти два слова стали ключом, открывшим давно запертую сокровищницу памяти.

— Ты ранена и все равно идешь на соревнования?

— Принести славу классу — мой долг, — звучал юный, дерзкий голос.

— Но я не знал, что в программе есть прыжки на одной ноге!

Мужская шутка вызвала недовольство девушки:

— Ты обещал защищать меня всю жизнь, а теперь нарушаешь слово...

Она присела, притворяясь обиженной.

Мужчина беспомощно улыбнулся, ущипнул ее за щеки и сдался:

— Я виноват, делай со мной что хочешь.

Секунду назад она была раненым кроликом, а в следующую превратилась в маленькую пантеру:

— Неси меня наверх, я буду смотреть телевизор и есть сладости на твоей кровати, и не смей говорить «нет»!

Высокий парень улыбнулся с обожанием, покорно выполняя все прихоти девушки, которая едва доставала ему до груди.

— Поехали, но-о-о...

Ясные глаза затуманились, сердце пронзила острая боль, воспоминание оборвалось.

Перед глазами мелькнула большая ладонь, и взгляд Цзи Фаньинь сфокусировался.

— Все еще болит?

В его голосе сквозила искренняя забота.

Цзи Фаньинь пошевелила ногой — стало намного лучше.

Вспомнив, как она получила травму, она встревожилась и поторопила его:

— Пожалуйста, Чжунбай, иди скорее, нельзя допустить, чтобы убийцы воспользовались моментом.

Лян Сесяо еще не успел выйти, как услышал звук и обернулся, чтобы поддержать девушку, пытавшуюся встать.

— Подожди, — Цзи Фаньинь вынула из прически заколку из белого нефрита. — Отдай это моему отцу, Цзи Цзиньяню.

Эта заколка была с ней с самого рождения, даже после перемещения в этот мир она крепко сжимала ее в руках, и никто не мог ее отнять.

Возможно, она была связана с ней судьбой.

С тех пор в народе говорили, что лишь по этой заколке можно узнать красавицу Цзи Фаньинь.

Лян Сесяо на мгновение замер, его черные зрачки сузились, он взял заколку и быстро ушел.

— Чжунбай, я буду ждать хороших новостей.

Мужчина в длинном халате скрылся за углом.

Расстались в марте, встретились в шестой лунный месяц. Три месяца разлуки показались ей целой вечностью.

Один день без тебя — как три осени.

Хун Сяо, не выдержав ожидания, пронеслась по коридору. Увидев мужчину, она заикнулась:

— Т-третий ван?

Лян Сесяо равнодушно взглянул на нее и протянул баночку с мазью:

— Твоя госпожа ранена, иди позаботься о ней.

Когда Хун Сяо пришла в себя, коридор был пуст, и она засомневалась, говорил ли с ней кто-то вообще.

— Барышня, наконец-то я вас нашла.

Цзи Фаньинь молчала.

Сначала, услышав шаги, она подумала, что он вернулся.

Но, прислушавшись, поняла: шаги были поспешными и беспорядочными, совсем не такими, как у него.

Хун Сяо увидела опухшую лодыжку и огорчилась:

— Как же вы так умудрились подвернуть ногу?

Цзи Фаньинь в двух словах объяснила ситуацию, естественно, опустив момент, когда Чжунбай нес ее на руках.

— Убийцы? — глаза Хун Сяо округлились от ужаса.

Из переднего двора донесся шум, сердце Цзи Фаньинь затрепетало:

— Хун Сяо, сходи разузнай, что там происходит.

Она выглянула в окно, но обзор был плохим, а ночная мгла скрывала детали.

— Но ваша нога...

— Со мной все хорошо, иди быстрее.

Хун Сяо была в замешательстве: Третий ван велел ей охранять барышню, а барышня велит следить за Третьим ваном.

Если бы кто сказал, что эти двое не любят друг друга, она бы ни за что не поверила.

Хун Сяо опустила глаза: если все так, как она думает, это будет к лучшему.

Тогда госпоже больше не придется лить слезы...

Подумав об этом, Хун Сяо улыбнулась, словно приняв твердое решение.

<http://bllate.org/book/25721/3075295>